

Дай Чжи был в руках Гун Ши, к тому же он был мастером в отделении экстренной помощи и находился на пороге повышения до начальника отдела. Поэтому Гун Ши с хитрой улыбкой появился перед Дай Чжи, который был на подъёме, и пригрозил раскрыть правду об убийстве У Цзиньтяня, произошедшем девять лет назад. Это заставило Дай Чжи запаниковать!

Однако Гун Ши был весьма сговорчивым шантажистом, он не хотел денег, ему нужна была только подпись Дай Чжи.

Под давлением Дай Чжи согласился на условия Гун Ши.

С этим щитом Гун Ши стал действовать всё более бесцеремонно.

Первой жертвой, которую Гун Ши лично отправил в морг, стала старушка Лю Хуаньпин. Гун Ши был её лечащим врачом и хорошо знал её состояние и семейные обстоятельства. Поэтому, воспользовавшись тем, что однажды её муж вернулся домой, он в темноте вошёл в палату старушки и тихо отключил её кардиомонитор, чтобы он показывал прямую линию. Медсестра, дежурившая в тот день, только что пришла на работу и не имела опыта, поэтому полностью подчинилась Гун Ши и, не разобравшись, тоже решила, что старушка скончалась. Для подстраховки Гун Ши заставил Дай Чжи подписать свидетельство о смерти.

Дальнейшие события уже нетрудно представить, но Бай Хаолинь столкнулся с очень сложной проблемой:

Как это доказать?

Всё это было выведено Бай Хаолинем на основе косвенных улик и его знаний психологии, но ничто из этого не могло напрямую доказать, что Гун Ши был настоящим убийцей!

Если оставить всё как есть, Гун Ши продолжит убивать незаметно для всех, он продолжит возводить свою стену из человеческих костей!

Нужно остановить его! Это была единственная мысль Бай Хаолиня, но как это сделать?

Последние две недели Бай Хаолинь перепробовал все возможные способы, но ключевой свидетель Дай Чжи уже умер, и не было никаких реальных доказательств, которые могли бы пригвоздить Гун Ши к позорному столбу, если только... Помимо этого, он не видел другого способа остановить Гун Ши от дальнейших убийств!

Неделю спустя, двадцать седьмого числа последнего месяца года.

Морозная и ветреная погода охватила весь город, но люди не позволили холоду испортить им настроение, ведь через несколько дней наступит долгожданный Праздник весны.

Каждый уголок города был украшен красивыми огнями, красными фонарями и китайскими узлами, создавая атмосферу праздника и уюта. Праздник весны был также самым загруженным временем для ресторанов и отелей, где собирались семьи, друзья и коллеги, чтобы отпраздновать вместе. Даже полицейское управление не стало исключением.

В эти дни И Юньчжао всё ещё пытался приложить усилия, чтобы осудить Гун Ши, а Цинь Сые тоже горела желанием помочь, но Бай Хаолинь, напротив, был настроен пессимистично и уговаривал их оставить эти несбыточные мечты. Он сделал это потому, что уже тайно вынес Гун Ши смертный приговор, но перед его исполнением не хотел, чтобы полиция продолжала следить за ним.

Время пришло, и в это утро Бай Хаолинь оставил на столе начальника полиции Тянь некоторые подозрительные моменты из дела Дай Чжи. Он знал, что ближе к концу года полицейское управление проводит оценку показателей закрытия дел в каждом отделе, и начальник Тянь, конечно, не хотел, чтобы это дело, которое можно было бы закрыть до Нового года, повлияло на его обычно хорошие результаты.

Как и ожидал Бай Хаолинь, в тот же день начальник Тянь отправил людей, чтобы пригласить Гун Ши в полицейское управление. Эти вопросы были специально подготовлены Бай Хаолинем для Гун Ши, и хотя на первый взгляд они выглядели подозрительно, их было легко объяснить.

Пять часов десять минут пополудни.

Бай Хаолинь стоял за односторонним зеркалом и наблюдал, как офицер, допрашивавший Гун Ши, вышел. Он остановил его:

— Ну как? Закончили?

— Да, больше нет вопросов, дело можно закрыть. — Офицер тоже вздохнул с облегчением.

— Тогда могу я задать ему пару вопросов?

— Это касается дела? — Офицер насторожился, опасаясь новых проблем.

— Нет, я слышал, что доктор Гун может общаться с духами, и мне стало любопытно. — Бай Хаолинь улыбнулся.

— Конечно, только не задерживайтесь, сегодня вечером у нас корпоратив.

Сегодняшний вечер был ежегодным собранием полицейского управления, на котором все полицейские города собирались в зале пятизвёздочного отеля ТМХ. Руководство управления также присутствовало, сначала шли двухчасовой отчёт о проделанной работе и планы на следующий год, затем все вместе ужинали, а после были танцы и розыгрыш призов, что

создавало очень оживлённую атмосферу. Из-за танцев полицейские рано уходили с работы, чтобы успеть привести себя в порядок дома, и это стало традицией, которую руководство управления закрывало глаза, позволяя всем уходить пораньше.

После ухода офицера Бай Хаолинь не вошёл в комнату для допросов, а обошёл третий этаж. К счастью, офисы в управлении были открытыми, и из коридора можно было видеть, есть ли там кто-то.

Отлично, на третьем этаже никого не было.

Бай Хаолинь поднялся на четвёртый этаж, где оставалась только помощница из отдела дактилоскопии, которая собирала вещи и, видимо, скоро уйдёт.

Бай Хаолинь взял кое-что в своём офисе, прошёл через отдел задержаний на втором этаже и увидел, что там дежурил только один офицер. Убедившись, что остальные помещения пусты, он спустился в вестибюль на первом этаже.

В полицейском управлении камеры наблюдения были установлены только у главного входа на первом этаже, в отделе задержаний на втором и у выхода с парковки. Поэтому Бай Хаолинь вышел через боковую дверь на парковку, оставаясь совершенно незамеченным. Он надел медицинские перчатки, нашёл машину Гун Ши — на его стекле была наклейка с обозначением парковочного места больницы ТМХ, так что найти её было легко, — затем выключил ближайший свет и затаился неподалёку от машины, держа в руках [предмет] и медицинское полотенце, терпеливо ожидая.

Через двадцать минут Гун Ши, не дождавшись, сам вышел из комнаты для допросов. Он крикнул несколько раз на третьем этаже, но никто не ответил, и он понял, что его бросили. Проклиная в душе безответственных полицейских, которые даже не сказали, что допрос закончен, оставив его одного в ожидании, он сердито направился к парковке.

Возможно, из-за проблем с электричеством, место, где стояла его машина, было немного тёмным, но Гун Ши не придавал этому значения и нажал на кнопку дистанционного открывания.

Гун Ши уже собирался открыть дверь, как вдруг почувствовал порыв ветра за спиной. Он не успел обернуться, как его рот и нос накрыло влажным полотенцем, и он вдохнул резкий запах. Его сознание мгновенно помутнело, и он даже не успел сопротивляться, как потерял сознание.

Бай Хаолинь запихнул потерявшего сознание Гун Ши в багажник, снова включил свет на парковке, затем спокойно сел за руль машины Гун Ши и завёл двигатель.

По мере того как звук двигателя постепенно стихал, пустая парковка снова погрузилась в свет и тишину, как будто ничего не произошло.

Хотя на парковке были камеры наблюдения, они не представляли угрозы, так как их угол был низким и они снимали только номерные знаки, не захватывая водительское место.

Когда Бай Хаолинъ выезжал на машине Гун Ши из полицейского управления Байху, он поравнялся с красным Ferrari. Сидевшая в Ferrari Лу Ваньюй узнала Бай Хаолиня, управлявшего чёрным BMW, и остановила машину, собираясь окликнуть его, но Бай Хаолинъ не заметил Лу Ваньюй и проехал мимо. Лу Ваньюй резко затормозила, опустила окно и крикнула ему вслед:

— Эй... — Но в ответ ей были лишь всё более тускнеющие красные огни задних фар, и она могла только смотреть, как Бай Хаолинъ уезжает в сторону темнеющего неба.

Лу Ваньюй была очень расстроена тем, что только что разминулась с Бай Хаолинем. Она достала телефон и снова позвонила ему, но после нескольких попыток так и не дозвонилась. Она возмутилась:

— Ну и дела, я же хотела сделать ему приятное и сама приехала за ним, а он такой! — После того как на Рождество он оставил её в дураках, Лу Ваньюй была очень недовольна и решила лично приехать за Бай Хаолинем, чтобы он стал её партнёром на новогоднем балу в Ханьшэ. Но, как назло, они только что разминулись, и теперь ничего не оставалось, как с досадой завести машину и уехать из управления.

Было уже почти семь вечера, когда Бай Хаолинъ привёз Гун Ши на юго-западную сторону порта Цинлун. Это был грузовой порт, где после шести вечера уже никого не было, особенно в канун Праздника весны, когда рабочие уходили рано, оставляя лишь огромные контейнеры, сложенные как замки.

Бай Хаолинъ остановил машину и открыл багажник.

Из-за сильного действия препарата Гун Ши ещё не очнулся. Бай Хаолинъ подошёл к своей машине, припаркованной неподалёку, и достал из сумки, заранее оставленной на заднем сиденье, бутылку хорошего красного вина и бейсбольную биту.

<http://bllate.org/book/15284/1358971>